

УДК 801.731
ББК 83.3
DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-194-200

Лиана Димитриева

**Рецензия на книгу М. Кадо
«Достоевский из века в век, или Россия между
Востоком и Западом» (Cadot M. Dostoïevski d'un siècle
à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident, avant-
propos de Dr. Rudolf Neuhäuser. Paris: Maisonneuve et
Larose, 2001 (Les champs de la liberté). 350 p.)***

Liana Dimitrieva

**M. Cadot. Dostoevsky from One Century to Another
or Russia between the East and the West (Cadot M.
Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient
et Occident, avant-propos de Dr. Rudolf Neuhäuser.
Paris, Maisonneuve et Larose, 2001 (Les champs de la
liberté). 350 p.). Review.**

Об авторе: Лиана Александровна Димитриева, независимый исследова-
тель (Санкт-Петербург).

E-mail: lianaponomar@gmail.com

Для цитирования: *Димитриева Л.А.* Рецензия на книгу М. Кадо «Достоев-
ский из века в век, или Россия между Востоком и Западом» // Достоевский и
мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1(9). С. 194-200.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-194-200

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-9001: «Междисциплинарная рецепция творчества Ф.М. Достоевского во Франции 1968-2018 годов: филология, философия, психоанализ» / The study was lead with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project number 18-012-9001: Interdisciplinary Reception of F.M. Dostoevsky's Works in France 1968-2018: Philology, Philosophy, Psychoanalitics).

About the author: Liana A. Dimitrieva, independent researcher (Saint-Petersburg).

E-mail: lianaponomar@gmail.com

For citation: Dimitrieva L.A. M. Cadot. Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident. Review. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2020, No 1(9), pp. 194-200.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-1-194-200

Достоевский хорошо известен французскому читателю. При этом история изучения Достоевского филологами из Франции мало знакома их российским коллегам, так как работы французских славистов практически не переводятся на русский язык. Одна из непереверённых работ – книга Мишеля Кадо «Достоевский из века в век, или Россия между Востоком и Западом» [Cadot, 2001]. Несмотря на то, что книга вышла в 2001 году, русскоязычных откликов она не получила. Между тем, книга заслуживает внимания хотя бы потому, что её автор – ведущий французский специалист по связям русской и европейской литератур¹. Заслуженный профессор Université Paris III– Sorbonne Nouvelle, президент Французского общества всемирной литературы и сравнительного литературоведения (Société française de littérature générale et comparée, 1971-1973, 1979-1981), президент Международного общества Достоевского в 1986–1989 годы, Кадо известен также как переводчик с немецкого, русского и украинского языков.

В книгу «Достоевский из века в век, или Россия между Востоком и Западом» вошли переработанные статьи Кадо, написанные на протяжении более чем двадцати лет. Первая из трёх частей книги представляет собой поперечный срез творчества писателя. Семь глав этой части посвящены наиболее известным произведениям, на примере которых Кадо анализирует важнейшие темы в творчестве Достоевского: двойничество, фантастичность, экзистенциальное

¹ О широком диапазоне научных интересов Мишеля Кадо можно судить по избранной библиографии: *Cadot M. Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident, avant-propos de Dr. Rudolf Neuhäuser. Paris: Maisonneuve et Larose, 2001 (Les champs de la liberté)*; Герцен-читатель книги Жан-Жоффруа Пора «Республиканский миссионер в России». Москва: Изд. Академии Наук СССР, 1963; *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris: Fayard, 1967; Naissance et développement d'un mythe ou l'Occident en quête de l'âme slave // Revue des Études Slaves. 1973. Tome 49. Pp. 91-101; Exil et poésie: la Crimée de Puškin et de Mickiewicz // Revue des Études Slaves. 1987. Tome 59. Fascicule 1-2. Pp. 141-155; Victor Hugo lu par les Russes. Paris: Maisonneuve et Larose, 2002; Herzen et Michelet // Revue des études slaves. Tome 78. Fascicule 2-3. 2007. Pp. 177-185.*

беспокойство, «золотой век», социальный хаос, «идеал содомский» и «идеал Мадонны». Вторая часть книги продолжает обзор культурного контекста творчества Достоевского одновременно с детальным разбором особенностей писательской техники Достоевского, в том числе как читателя французской романтической литературы и ценителя живописи. В отличие от первых двух, в третьей части книги Достоевский представлен не как реципиент, а как источник вдохновения для своих великих читателей XX века. Вместо эпилога книгу венчает глава о профетизме творчества Достоевского (и в частности, «Дневника писателя»)², в которой Кадо представляет проницательность и широкий диапазон политической мысли русского писателя в качестве примеров его литературного медиаторства.

Будучи специалистом по культурной рецепции, своей книгой Кадо подводит итог двадцатипятилетней истории изучения Достоевского во Франции. За счёт автономности глав даже создаётся впечатление, что автор стремится познакомить аудиторию с этими произведениями, представить их, что кажется несколько излишним, учитывая любовь французского читателя к Достоевскому. Сегодняшнему читателю, знакомому с историей изучения Достоевского, некоторые тезисы книги могут показаться вторичными. Главы книги, написанные с применением различных методов и разнородные по ценности и качеству, воспринимаются как отдельные статьи; указание времени их первой публикации могло бы поместить их в научный контекст, а именной и библиографический указатели позволили бы в полной мере оценить работу по репрезентации науки о Достоевском во Франции, проделанную автором. В основном Кадо ссылается на классические исследования (Вячеслав Иванов, М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Л.П. Гроссман, В.Я. Кирпотин, Г.М. Фридлендер, В.А. Туниманов, В. Н. Захаров), на авторитет своих коллег Жака Катто и Пьера Паскаля; выделяется на этом фоне особенно часто цитируемая известная работа Рене Жирара «Достоевский: от двойственности к единству».

Интересны и оригинальные концепции Кадо. Одна из них наиболее ёмко сформулирована в главе «Психические расстройства в основе развязки множества романов»: «Призрак безумия так же преследует Достоевского, как образ смерти – Толстого»³ [Cadot, 2001, p. 211]. Кадо предлагает психоаналитическую интерпретацию

² Впервые опубликована: [Cadot, 1986].

³ Здесь и далее перевод мой – Л.Д.

убийств, самоубийств и помешательств в творчестве писателя, но не ограничивается клиническим подходом. В главе, посвящённой «Двойнику», он исследует, с одной стороны, язык психоза, а с другой – то, как гофмановская фантастика (Кадо подробнейшим образом восстанавливает литературный претекст повести) проникает в сознание героя, как персонаж Достоевского присваивает себе другую художественную реальность и как в столкновении этих двух вымышленных миров погибает Голядкин. Соотношение сознания и бессознательного – одна из главных тем, занимающих Кадо в текстах Достоевского. В главе «Самосознание в романе Достоевского» он предлагает своеобразную типологию: миролюбивое самосознание (*paisible*), извращённое (*pervers*), болезненное (*douloureuse*), циничное (*cynique*), щедрое (*généreuse*) и сжатое (*rétrécie*). Типы самосознания связаны с определёнными сюжетными коллизиями и соотносятся с типами персонажей Достоевского: например, миролюбивое самосознание (*paisible*) свойственно чистым душам вроде Макара Деушкина, Сони Мармеладовой, князя Мышкина, Тихона, Макара Долгорукого, старца Зосимы и Алёши. Извращённое самосознание свойственно «хищному типу», болезненное отличается «мечтателей», циничное самосознание – черта шутов и падших женщин (кроме Сони), щедрое самосознание свойственно гордым душам, таким как Дуня Раскольников и Аглая Епанчина, а сжатый тип самосознания характерен для эгоистов, среди которых Лужин, Степан Трофимович и Версиков. Типы самосознания определяются по четырём признакам: сила самосознания, степень любви к себе, признание самостоятельности и ценности другого и стабильность в отношении к другому. Понятие самосознания для Кадо – ключ к текстам Достоевского, поэтому один из важнейших романов для него – «Неточка Незванова». В главе «Тревога, преодолённая словом и письмом: “Неточка Незванова”» [Cadot, 1994]⁴ он рассматривает невротичность как качество текста и называет этот роман романом воспитания в том смысле, что психотерапевтический опыт повествования превращает героиню в повествовательницу. В главе «От случая к романному вымыслу: исследование нескольких романов Достоевского» [Cadot, 1983] о так называемых *faits divers*, газетной рубрике происшествий, «низшем новостном жанре», как его именует Кадо, и о роли такого рода заметок в творчестве Достоевского, про-

⁴ Текст главы впервые опубликован в виде статьи: [Cadot, 1994].

должается тема переплетения психического и фантастического. Кадо интересуется уникальная работа, которую продельывает Достоевский с такого рода фрагментами реальности, превращая их в реальность литературную. Подобно «фантастической форме рассказа», которая вдохновляла Достоевского в «Последнем дне приговорённого к смерти» Гюго, «воображаемое заключено в рамки фиктивной стенографии, повествование строится на реальности в высшем смысле, реальности литературного вымысла, пропущенной через сознание, скованное недавним происшествием» [Cadot, 2001, p. 201].

Достоевский для Кадо является, бесспорно, великим *читателем*, способным превратить даже ничтожную газетную вырезку в факт наивысшей, литературной реальности. Каков же может быть результат, если отправной точкой будет нечто столь грандиозное как европейская культура? Лейтмотив книги – влияние европейской литературы, которое испытала на себе русская словесность, вобравшая и сохранившая лучшее, чтобы затем бесконечно вдохновлять модернистскую литературу, таким образом возвращая западному роману самого себя. Эту идею Кадо, очевидно, разрабатывает ещё с 1973 года, когда была написана его работа «Рождение и развитие мифа или Запад в поисках славянской души» [Cadot, 1973]. Достоевский в работе Кадо – синекдоха русской литературы – этим объясняется тезис об особом положении Достоевского между востоком и западом, вынесенный в заглавие книги. Будучи прилежным читателем европейской (прежде всего французской и немецкой) литературы, и чуткий ко всем новым социальным веяниям и событиям в Европе, Достоевский вместе с тем оставался носителем восточно-христианского сознания, созвучного пресловутой славянской душе, особенный интерес к которой вспыхнул в XX веке. Мишель Кадо приводит классические примеры столкновения «восточного» и «западного» в романах Достоевского. В главе, посвящённой роману «Идиот»⁵, речь идёт между прочим о роли Анны Корвин-Круковской в формировании позиции Достоевского по различным политическим вопросам от парижской коммуны до женской эмансипации. Кадо размышляет о том, насколько образ Аглаи, вдохновлённый не в последнюю очередь Корвин-Круковской, противопоставлен образу Настасьи Филипповны со всем его народно-поэтическим контекстом с одной стороны и образу Рогожина с его некоторой типической уко-

⁵ Глава «Deux amours de prince Mychkine», впервые опубликованная в виде предисловия к французскому изданию романа «Идиот» в переводе Пьера Паскаля [Dostoïevski, 1983].

ренённостью в русской ментальности – с другой. Похожая антитеза возникает и в главе, посвящённой роману «Подросток»: Версилов и Макар Долгорукий представляют ту же неразрывную диалектическую пару «запад-восток». Причём, подобно тому, как Версилов предстаёт «последним европейцем», Достоевский в интерпретации Кадо играет роль «последнего читателя» европейской литературы: вобрав в себя западную культуру и литературные образы XIX века, он сохраняет их, чтобы передать XX веку, преобразованные своим гением. Так, к примеру, произошло в случае швейцарского поэта и писателя Роберта Вальзера, которого компаративист Кадо называет предшественником нового романа, произошедшим от «Дон-Кихота» Сервантеса через Достоевского, Жана Поля и Стендаля [Cadot, 2001, p. 266]. Похожим образом связывает Кадо Достоевского с аргентинским писателем Эрнесто Сабато: увлекавшийся экзистенциализмом Сабато воспринял Достоевского прежде всего как «писателя-философа» через тексты Камю и Сартра. И если эпитет «писателя-философа» кажется сегодня более чем привычным для Достоевского, то сделав его субъектом его собственной «всемирности», Кадо действительно делает новаторский ход.

Список литературы

1. Cadot, 2001 – *Cadot M. Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident / avant-propos de Dr. Rudolf Neuhäuser*. Paris: Maisonneuve et Larose, 2001. 350 p.
2. Cadot, 1983 – *Cadot M. Du fait divers à la fiction romanesque. Enquête à travers quelques romans de Dostoïevski // Dostoïevski – Les Cahiers de la nuit surveillée*. Paris: Verdier, 1983. Pp. 29-39.
3. Cadot, 1994 – *Cadot M. L'angoisse surmontée par la parole et l'écriture dans Nietotchka Niezvanova de Dostoïevski // La Revue russe*. 1994. No 7. Pp. 17-28.
4. Cadot, 1986 – *Cadot M. Le discours sur le futur dans le "Journal d'un écrivain" (1881). Remarques sur le prophétisme de Dostoïevski // Dostoevsky Studies*. 1986. Volume 7. Pp. 20-33.
5. Cadot, 1973 – *Cadot M. Naissance et développement d'un mythe ou l'Occident en quête de l'âme slave // Revue des Études Slaves*. 1973. No 49. Pp. 91-101.
6. Dostoïevski, 1983 – *Dostoïevski F. L'Idiot / traduction par Pierre Pascal, préface, chronologie, bibliographie et notes par Michel Cadot*. Paris: Flammarion, 1983. 478 p.

References

1. Cadot M. *Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident*, avant-propos de Dr. Rudolf Neuhäuser. Paris, Maisonneuve et Larose, 2001. 350 p. (In French)
2. Cadot M. Du fait divers à la fiction romanesque. Enquête à travers quelques romans de Dostoïevski. *Dostoïevski – Les Cahiers de la nuit surveillée*. Paris, Verdier, 1983, pp. 29-39. (In French)

3. Cadot M. L'angoisse surmontée par la parole et l'écriture dans *Nietotchka Niezvanova* de Dostoïevski. *La Revue russe*, 1994, No 7, pp. 17-28. (In French)
4. Cadot M. Le discours sur le futur dans le "Journal d'un écrivain" (1881). Remarques sur le prophétisme de Dostoïevski. *Dostoevsky Studies*, 1986, vol. 7, pp. 20-33. (In French)
5. Cadot M. Naissance et développement d'un mythe ou l'Occident en quête de l'âme slave. *Revue des Études Slaves*, 1973, No 49, pp. 91-101. (In French)
6. Dostoïevski F. *L'Idiot*, traduction par Pierre Pascal, préface, chronologie, bibliographie et notes par Michel Cadot. Paris, Flammarion, 1983. 478 p. (In French)